

ВЕТЕРАН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НИКОАЕВА ЕКАТЕРИНА СТЕПАНОВНА

Я родилась 23 июня 1927 года в Псковской области Порховском районе деревне Дедково. Отец и мать простые сельские труженики. Мать вообще была неграмотная. Отец - самостоятельный, работающий русский мужик, защитник Отечества - он воевал в Первую мировую войну. Семья была истинно крестьянская многодетная - 12 детей. Перед войной нас было 5 братьев и 3 сестры.

Александр Степанович	- 1910 года рождения
Владимир Степанович	- 1913 года рождения
Петр Степанович	- 1916 года рождения
Николай Степанович	- 1918 года рождения
Иван Степанович	- 1922 года рождения.

Сестры Нина - 1925 года рождения, младшая сестра Антонина - 1929 года рождения. Я родилась в 1927 году.

Перед Финской войной мы все проживали в г. Крестцы Новгородской области. Отец и братья постоянно были на заработках на различных лесозаготовительных пунктах.

Четыре старших брата в 1939 году ушли на Финскую войну. С войны, слава богу, вернулись живыми все братья. Николай был танкистом, остался на сверхсрочную и до 1941 года служил в воинской части под Дибунями. О нем пришло известие, что воевал и погиб под Ленинградом. Похоронили его в деревне Яблоневка, теперь ее уже нет. Брат Александр тоже был танкистом, прошел Финскую, потом жил в Петродворце, видимо, тоже был сверхсрочником. Танкистом воевал и в Отечественную, на Ленинградском фронте, но как, когда и где погиб неизвестно. Брат Иван был призван в армию, уже когда немцы подходили к нашим домам. Неразбериха стояла страшная, транспорта нет, железная дорога разбита. Он призывался Госненским военкоматом, ушел пешком, учился на сержанта в Вологде. Направили его под Москву, там и погиб он, неизвестно как. Петр и Владимир погибли так же неизвестно где и как.

22 июня 1941 года нас застало в г. Радофиниково в 96 км. от Ленинграда. Там на очередном лесозаготовительном пункте работали мужчины нашей семьи. Недалеко от нашего дома на железнодорожной ветке был загнан какой-то состав. Немецкие самолеты его начали бомбить. В поселке в домах задрожали стекла, колыхнулась земля. Дорогу немцы сразу разбили, известий о происходящем не было, все были в какой-то растерянности.

Теперь уже все 5 братьев пошли защищать родину.

Немцы появились в наших местах ранней осенью. Перед их приходом отступающие войска и партизаны захватили все продовольствие на складах и в магазинах. Есть стало нечего. Своего же хозяйства мы не имели. Отец был за много километров в лесу на охране партизанского склада, помочь нам ничем не мог. До декабря ходили по окрестным деревням и выменивали одежду на продовольствие, что удастся достать, то и волочем домой. Чаше

всего это была картошка Приходилось на полотенцах по одному - два ведра картошки за раз на себе тащить многие километры тащить.

Когда ходили по деревням, насмотрелись ужасов. Немцы перед деревнями вешали партизан и их тела висели на деревьях долго, снимать запрещалось. Хотели страх нагнать. Нам действительно было жутко входить в такие деревни. Партизаном могли назвать мальчишку за найденный у него пустой патрон. Мне тоже приходилось носить в лес еду. И носила, не думала, что если нарвусь на немцев или полицаев, то расстреляют или повесят как «партизанку».

Как-то в деревню к нам зашли окруженцы. Помню молодого политрука, который заявил, что немцам в плен живым не сдастся. А тут они и появились, прямо в деревне вспыхнул бой. Видела как немцы волокут на плащ-накидке своего раненого. Запомнились его крепкие кованные с пятки и носка ботинки. А политрук был или убит или сам застрелился. Его тело лежало на площади - совсем молодой.

В декабре 1941 года решили отправиться с матерью в деревню, в родное Дедково. Жить в Радофиниково стало совсем немоготу. Шли две недели. Эти триста километров показались тысячью. На саночках в сундуке везли племянницу - всего год и два месяца. Были вечно голодные, замерзшие. Кое-где добрые люди выручали: дадут то картошки, то хлеба. Дадим малышке, чтобы не плакала от постоянного голода. Она очень ослабла, даже потом долго не могла ходить. Тяжелый наш путь проходил через Оредеж, Уторгош, Порхов. Добрались до дома. Дом цел, но в нем хоть шаром покати - есть нечего. Помогла родня отца и матери, кое-как продержались до весны.

Летом 1942 года умирает отец. Он видимо что-то себе повредил, пока мы две недели добирались до дома, а может быть, сильно простудился. Болел долго, а лечения не было же никакого.

Деревня наша находилась в партизанском крае. Днем хозяйничали немцы, ночью - партизаны. Мне кажется, что они каждую ночь у нас отогревались, забирали еду или одежду. Никому отказать было нельзя. Между двух огней жили. Отовсюду могла прийти смерть. Шли как-то группой в соседнюю деревню на праздник, а там партизаны. У кладбища на окраине видим: немцы идут в деревню. Заметили бы нас - смерть - тоже партизаны. Партизаны заметили бы нас одновременно с немцами входящими в деревню - смерть - мы навели карателей.

От немцев старались убегать в лес, чтобы не угнали на работы в Германию. Убегали один раз, но пришлось залечь в канавке в поле - до леса было далеко. Немцы через нас стреляют по лесу. Пули так и «вжикают» над головами. Потом они цепью прямо к нам подошли, навели оружие, разглядывают. С нами были еще и старики, да мы - фактически дети. Нас не приняли за партизан, жестами и автоматами прогнали обратно в деревню. Вообще-то немцы леса не любили и боялись его. Да и в деревни ночью не совались. Район был партизанским, кажется отряда Германа (Справка: Герман Александр Викторович (1915 - 1943 гг.). В мае 1942 - сентябре 1943 гг. командир 3 Ленинградской партизанской бригады, с сентября 1943 года - имени Германа. Погиб в бою, Герой Советского Союза. В деревне Житницы Псковской области на месте его гибели поставлен обелиск).

Однажды на окраине нашей деревни вспыхнул бой (видимо в феврале 1943 года). Мы бросились смотреть, что случилось, когда выстрелы стихли. В овраге валялось несколько голых немцев. Кто-то моментально их раздел - носить то всем было нечего, но кто раздел, партизаны, мирные жители, неизвестно. Один немец спрятался где-то в деревне. Все бросились его искать. Выловили, и партизаны повезли его в лес на санях, мы бежим рядом и разглядываем его. Он понимал, наверное, что его ждет смерть, но постоянно просил не убивать - у него два киндера. Кто-то быстро убитых похоронил в безвестной яме. Нашли бы у нас их трупы - всю бы деревню сожгли. За 8 километров от нас за взрыв партизанами машины с немцами была сожжена деревня Краснуха.

Как жили, что ели, почему были почти всегда голодные лучше и не вспоминать. Однако нам по 200 грамм хлеба выдавали с сельского склада. Раздачей ведал староста. Он был вместо председателя колхоза, что - ли.

К нам тоже приходили немцы, спрашивали мальчишек, где трупы, думали пацаны проговорятся. Но те только удивлялись: какие трубы, у нас никаких труб нет и не было.

Не то в январе, не то в феврале 1944 года фронт покати́лся на запад. Снова смерть прошла над нашими головами. Немцы в ночь перед уходом успели сжечь половину села. Сгорел и наш дом. Снова остались голыми, без пристанища. Обидно и жалко было до слез. Наши-то стояли в 4 километрах и утром вошли в деревню.

Начали жить заново. В лесу пилили деревья, бревна таскали на себе и на саночках, чтобы построить хоть какую-то халупу. Работали и в колхозе и в карьере. Все работы были фактически бесплатными и очень тяжелыми. И зерно приходилось молотить, и снопы «ставить на ригу» (развешивать снопы на специальные колья перед обмолотом). А в карьере, не переставая, грузили песок на машины, лопаты так и мелькали, руки и спины деревенели. А еще каждый день 4 километра пешком отмотай туда, да обратно. Восстанавливались железная дорога, ремонтировались грунтовые - песок тек как вода.

Когда запасли бревен, отдали последний хлеб плотникам, а сами подались на заработки в Эстонию. Там были хорошо обустроенные, богатые хутора. У эстонцев была пока еще своя земля и крепкие хозяйства: по 6 - 8 коров, свиньи, другая разная живность и птица. Рабочие руки - батраки - там всегда были нужны. Работали тоже, не покладая рук, но было посытнее. Привозили с заработков до 12 пудов хлеба (мука и зерно). Эстонцы нас ненавидели за то, что налаженные хутора и самостоятельное хозяйство должны были вскоре стать колхозами. Мне с хозяевами повезло. Уговаривала она меня остаться. А проработала я на нее полтора года в 1944 и 1945 годах. Хутор находился в 3 километрах от Выру.

В 1947 году завербовалась на торфоразработки в 12 километрах от Пскова. Работа была тяжелейшая. Постоянная сырость, тяжелый торф, вечная грязь. Заработки мизерные, а хлеба давали столько, что получишь на 5 дней, а за два дня все съедаеть, потом голодная сиди. «На торф» привозили и заключенных, они только удивлялись нашему каторжному труду. Их в дождь увозили назад в лагерь, а мы оставались работать - гнали план. Туда приехал мой деревенский жених и увез меня домой. Мы поженились и вот уже 57 лет неразлучно живем вместе.

В 1961 году приехали в Вартемяги. Я устроилась дояркой в хозяйство «Вартемяги» именно в тот день, когда в космос полетел Юрий Гагарин. Проработала 14 лет, а потом перешла на работу в Ленинград в КБ «Средства механизации» и через 8 лет в 1982 году вышла на пенсию.

У нас с мужем 3 детей, 4 внуков и 5 правнуков. Муж - участник войны.

Из семейного альбома семьи Николаевых

*Борис и Екатерина Николаевы с сыном.
Лето 1949 года на торфоразработках под Псковом.*

Брат Володя с женой, довоенный снимок. Погиб в войну

Брат Николай с женой. Довоенный снимок. Погиб в боях за Ленинград.

Участник войны Николаев Борис Николаевич на мемориальном захоронении д. Вартемяги.

*«Золотая» свадьба ветеранов войны
д. Вартемяги Николаевых Екатерины Степановны и Бориса Николаевича*

*Более 40 лет Екатерина Степановна является участницей народного коллектива
русской песни «Рябинушка» д. Вартемяки*